

На правах рукописи

МЯГКОВ Юрий Германович

**ПРОБЛЕМА ВИЗАНТИНИЗМА
В ИДЕОЛОГИИ РОССИЙСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА
XIX ВЕКА**

Специальность 23.00.01 – Теория политики, история
и методология политической науки (по историческим наукам)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Казань – 2006

Работа выполнена на кафедре политической истории Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина»

Научный руководитель:

доктор исторических наук, профессор
Михайлова Савея Мухаметдиновна

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор
Коршунова Ольга Николаевна

доктор исторических наук, профессор
Синицын Олег Владимирович

Ведущая организация

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Самарский государственный университет»

Защита состоится «_____» _____ 2006 г. в ____ часов на заседании диссертационного совета Д. 212.081.17 по присуждению ученой степени доктора исторических наук при Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина» по адресу: 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18, корпус 2, ауд. 1112.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета.

Автореферат разослан «_____» _____ 2006 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

А.Г. Циунчук

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. На рубеже XX – XXI вв. на всем постсоветском пространстве перед образовавшимися государствами, перед противостоящими в них политическими силами встал вопрос о формировании новой идентичности, нового государственного и национального самосознания, новой государственной идеологии. В России в процессе становления многопартийности, пришедшемся на 90-е годы прошлого века, возникающие партии и движения не могли не определять своих идейных предшественников. Их идеологи – современные философы, историки, политологи, публицисты – рассматривают проблему исторического выбора России в системе координат, которая восходит к спорам, разразившимся между западниками и славянофилами более полутора веков назад. «Эффективным средством для политиков в борьбе за власть и влияние на избирателей, – фиксирует Г.И. Зверева, – оказалось использование масок славянофилов и западников»¹.

Для создания современных идеологем, прежде всего, связанных с решением задачи выработки национального самосознания, авторы обратились к «каноническим» построениям историософии второй половины XIX – начала XX вв. В результате «интеллектуальными источниками и авторитетами» в 90-е годы XX в. стали славянофилы и западники XIX в., русские либералы и консерваторы второй половины XIX – начала XX вв., а персонально – Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, Вл.С. Соловьев, Н.А. Бердяев и др. Кумиры прошлой эпохи – революционные демократы, народники, социал-демократы – практически «выпали» из современного интеллектуального пространства. Иными словами, протекающие в стране политические процессы актуализировали исследование тех течений российской политической мысли прошлого, которым ранее, на протяжении более семи десятилетий, прежде всего, в силу идеологических причин, уделялось недостаточно внимания. Исследователи вынуждены были констатировать, что к середине 90-х годов XX в. «подавляющее большинство не только масс, но и элиты нашего общества не отдает себе даже приблизительного отчета в том, что такое либерализм, что такое либеральная программа, либеральная политика и т.д.»². То же самое следует сказать и о представлениях о консерватизме. Во многом это было следствием и того, что теоретическое наследие, которое оставили российские либералы и консерваторы XIX – на-

¹ Зверева Г.И. «Присвоение прошлого» в постсоветской историософии России // Новое литературное обозрение. 2003. № 59. С. 543.

² Пустарнаков В.Ф. Замысел книги // Либерализм в России. М., 1996. С. 3.

чала XX вв., говоря словами М.А. Абрамова, – «обширная Terra incognita – затонувшая Атлантида, ожидающая отечественных исследователей»¹.

Естественно, что и в период «перестройки», и первые постсоветские годы, когда ключевыми требованиями общества стали гражданские свободы, собственность, безопасность, «первой и осевой идеологией» (определение Б.Г. Капустина²) рассматривался либерализм³. Одновременно в российском обществе появился интерес и к консервативной традиции. Его нарастание оказалось связанным как с политическими сдвигами в российском обществе, так и изменением вектора развития политической жизни США и западноевропейских стран.

Изменение картины политического и социокультурного развития России в 90-е годы вышло далеко за пределы прокламируемого демократами эпохи «перестройки» перехода от авторитаризма к демократии с ее рыночной системой. В российском обществе, ориентированном на либеральные ценности, всемерно влекомом реформаторами «ельцинского призыва» к тому, чтобы «войти... и прочно закрепиться» в «социально-экономическом пространстве западного общества»⁴, стремительно «развернулись» консервативные тенденции, которые проявились в тяге к порядку, укреплению государственности, в росте интереса к национальным истокам и т.п. Это была реакция на социальные потрясения 90-х годов. В интеллектуальном плане эта «консервативная волна» была также подкреплена активизацией внимания к истории консервативной идеологии и практики, поскольку уже к середине 90-х гг. произошел, говоря словами В.Я. Гросула, «решительный поворот в сторону изучения консервативной проблематики, все более осмысленного желания разобраться в направлении, не пользовавшимся ни одобрением, ни повышенным вниманием в предшествующие времена»⁵.

Закономерно, что прошедшее десятилетие дало серьезные результаты в изучении русской общественно-политической мысли. Были проведены многочисленные дискуссии, «круглые столы»⁶, вышли монографии, сборники

¹ Абрамов М.А. Неоконченная симфония русского либерализма, или возвращение белого парохода // Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 5.

² См.: Либерализм в России. М., 1996. С. 49.

³ См.: Шелохаев В.В. Социальная программа русского либерализма // Кентавр. 1995. № 1. С.110.

⁴ Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. СПб., 1997. С. 43.

⁵ Гросул В.Я. Предисловие // Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Щацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 7.

⁶ См.: Консерватизм в России («Круглый стол») // Социс. 1993. № 1; Консерватизм как течение общественной мысли и фактор общественного развития (Материалы «круглого стола») // Полис. 1995. № 4; Русский либерализм: Исторические судьбы и перспективы. Материалы международной научной конференции. М., 1999; Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы Всероссийской научно-

ки статей и многочисленные пособия. В государственных университетах Перми, Самары, Воронежа, Ростова-на-Дону сложились исследовательские центры, занимающиеся консерватизмом¹. Российский читатель получил возможность изучать наследие русских мыслителей по современным публикациям². Обращение к наследию российских либералов и консерваторов раздвинуло горизонты научного поиска. Прежде всего, это выразилось в активном интересе к жизни, деятельности и научному творчеству видных русских либеральных и консервативных мыслителей.

Важным направлением стало изучение процессов институционализации, формирования и деятельности политических течений и партий. Выработываемые последними политические программы, стратегические и тактические линии политической деятельности соотносились с решением их авторами проблем философии истории, в первую очередь, ставшей для них центральной темой сущности и призвания России, ее места в мировой и европейской истории, соотношения с мировой и европейской цивилизацией. Поэтому актуальным был признан анализ выработанных русскими мыслителями историософских построений и концептов, востребованных в современной историко-политической литературе, публицистике.

Еще одним, относительно новым направлением исследований стало выделение и специальный анализ созданных мыслителями прошлого **«познавательных матриц», «штампов-идеологем», «политизированных образов», неких «историографических модулей», «готовых»**

практической конференции. М., 2001; Русский консерватизм: проблемы, подходы, мнения // Отечественная история. 2001. № 5; Эволюция консерватизма: европейская традиция и русский опыт: Материалы международной научной конференции. Самара, 2002 и др.

¹ См.: Минаков А.Ю. Русский консерватизм в современной российской историографии: новые подходы и тенденции изучения // Отечественная история. 2005. № 6.

² Отражением повышенного интереса к наследию дореволюционных мыслителей стали многочисленные издания и переиздания их трудов. См.: Чаадаев П.Я. 1) Статьи и письма. М., 1989; 2) Полное собрание сочинений и избранные письма. М., 1991. Т. 1–2; Хомяков А.С. 1) О старом и новом. Статьи и очерки. М., 1988; 2) Сочинения: В 2 т. М., 1994; Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 1991 (другие изд.: СПб., 1995; М., 2003); Леонтьев К.Н. 1) Записки отшельника. М., 1992; 2) Цветущая сложность: Избранные статьи. М., 1992; 3) Избранное. М., 1993; 4) Восток, Россия и Славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза. (1872–1891). М., 1996; 5) Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. Т. 1–6. СПб., 2000–2004 и др.; Соловьев В.С. 1) Сочинения в 2 т. 2-е изд. М., 1990; 2) О христианском единстве. М., 1994; 3) Россия и христианская церковь. Мн., 1999 и др.

Изданы различные хрестоматии и тематические сборники. См.: Россия глазами русского. Чаадаев, Леонтьев, Соловьев. СПб., 1991; Византийская цивилизация в освещении русских ученых. 1894–1927. М., 1999; В поисках своего пути Россия между Европой и Азией. Хрестоматия. М., 1997; Византизм и славянство. Великий спор. М., 2001; Русский мир. Геополитические заметки по русской истории. Сб. М., 2003 и др.

*риторических конструкций»*¹. Широко известны такие призванные передать характер политического поведения, содержание политических программ, тактик и пр. понятия, как *«макиавеллизм»*, *«тайны мадридского двора»*, *«евразийство»*, *«панмонголизм»*, *«азиатские хитрости»* и т.п. К их числу относится и *«византинизм»*.

Появление названных понятий можно объяснить, обращаясь к феномену исторического опыта. Последний, как показано в литературе, включает такие компоненты как *чувственный опыт* субъекта, его *практический опыт* и *опыт в виде накопленных знаний* о закономерностях, устойчивых тенденциях общественного развития². Важную роль в духовной и политической жизни также играют восприятия в той или иной мере и форме познавательного опыта других субъектов, по сути, составляющие содержание «встреч» культур, их диалога. Вот на «перекрестках» всех этих «звеньев» исторического опыта и оказываются названные обобщающие понятия.

В советской историко-политической науке явно недостаточно изучался научно и политически актуальный «познавательный опыт» тех субъектов, которые в прошлом уделяли большое внимание историософскому осмыслению Византийской цивилизации и ее наследия³. Это был идейный багаж **консервативных кругов** – политических противников большевистского режима. С позиций марксистской методологии рассмотрение процесса идеологического развития сосредотачивалось на противопоставлении *реакционного* и *революционного*. При этом, как правило, реализовывался метод редуccionизма – сведения тех или иных воззрений к одному из этих начал. Революционное определялось как прогрессивное. Закономерно, что сегодня как актуальная рассматривается задача «нейтрализации наиболее эпистемологически пристрастных итогов советского периода существования русской византистики с позиций современного методологического перелома в гуманитарной области знания»⁴.

Естественно, что в условиях последнего десятилетия, когда происходит «рост *цивилизационного самосознания* в России, которое все более заме-

¹ Понятия предложены Г.И. Зверевой. См.: Зверева Г.И. Указ. соч. С. 540, 543, 544 и сл.

² См.: Царев Б.В. Исторический опыт: проблемы освоения и мобилизации. Казань, 2001. С. 26.

³ Следует подчеркнуть, что в области историографического изучения наследия до-революционных историков-византистов ситуация была более благоприятной. См.: Очерки истории исторической науки в СССР. Т. I–III. М., 1955–1964; Курбатов Г.Л. История Византии (историография). Л., 1975 и др.

⁴ Хрущева Э.Н. Концепция византийского государства в русской византистике последней четверти XIX–XX вв. Автореф. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003. С. 3.

щает уходящее «советское» историческое самосознание»¹, сформировался интерес к *цивилизационному фактору в истории*, а вместе с ним и к теме социокультурных ценностей. Как это нередко бывало, *импульсы* к актуализации (возвращению) проблемы были даны публикацией трудов западных историков и историсоффов², активно обсуждавших проблему основ и характера русской политической традиции: унаследована ли она от Востока или заимствована на Западе, и работ историков русской философской, религиозной мысли, оказавшихся в эмиграции³.

Объектом данного исследования выступает консерватизм как направление общественно-политической мысли дореволюционной России, **предметом** – проблема византизма («византизма») как понятия-образа, выработанного в российской историософии XIX в. и ставшего одним из ключевых историко-теоретических концептов консерватизма.

Своеобразием развития духовной жизни России XIX в. оказалось то, что среди первых, обративших взоры к Византии, оказались мыслители-философы, те, кто поставили проблему философского осмысления ее «встречи» с Русью, истолкования места и роли Византии в исторических судьбах Руси–России. Понятие «византизм» формируется не в связи с развитием исторической науки, а именно что в процессе историософского осмысления феномена Византийской цивилизации. Здесь особая роль принадлежала П.Я. Чаадаеву, А.С. Хомякову, Вл.С. Соловьеву, К.Н. Леонтьеву, Л.А. Тихомирову. Названные мыслители – наиболее яркие представители разных поколений. В их творчестве мы наблюдаем специальные усилия, направленные на осмысление проблемы места и роли «византизма» в исторической судьбе России⁴.

¹ Ионов И.Н., Хачатурян В.М. Теория цивилизации от античности до конца XIX века. СПб., 2002. С. 5

² См.: Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993; Тойнби А.Дж. Постигание истории. М., 1990 и др. А.Дж. Тойнби полагал, что Россия дала «первый пример добровольной самовестернизации незападной страны», но вестернизация встречала сопротивление «мощных традиционных культурных пластов» (Тойнби А.Дж. Указ. соч. С. 564). Объяснялось это тем, что «почти тысячу лет русские... принадлежали не к нашей Западной цивилизации, но к византийской...» (Тойнби А.Дж. Византийское наследие России // Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. М., СПб., 1995. С. 106).

³ См.: О России и русской философии истории: философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. Особо следует отметить труды, в которых обсуждалась исследуемая проблема: Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990; Федотов Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х т. СПб., 1991; Флоренский Г.В. Пути русского богословия. Киев, 1991; Экономцев И. Православие. Византия. Россия. Сб. статей. М., 1992; Соловьев С.М. Владимир Соловьев: Жизнь и творческая эволюция. М., 1997 и др.

⁴ В диссертации не рассматриваются труды и творчество тех признанных русских консерваторов, которых условно относят к группе «исполнителей-практиков» – К.П. Победоносцева, В.П. Мещерского, Я.И. Ростовцева, Д.А. Толстого и др., поскольку нас

Отсюда **хронологические рамки** исследования – 30-е – 90-е гг. XIX в., – время выявления и развернутого осмысления феномена византизма в российском гуманитарном знании. В конце 20-х – начале 30-х годов XIX в. в России началось радикальное переосмысление наследия XVIII в. на основе идей романтизма, наступила переориентация с эпохи классической античности на эпоху поздней античности и начала христианства. Историческая мысль обращается к осмыслению идеи национального развития¹. К середине XIX века завершается период «нерасчлененности общественного сознания», «отвлеченных умствований» и со времени «великих реформ» наступает, по определению И.В. Лукоянова, «эпоха русского “дворянского консерватизма”, его постепенного размежевания с либерализмом и формулирование ряда специфических черт, приближающих его к сословной идеологии»². Верхняя же граница исследуемого периода совпадает с кризисом консерватизма в России как основы политической доктрины государства³.

Степень научной разработанности проблемы. Избранная тема не присутствует в историописании в качестве специализированного дискурса, она затрагивалась теми авторами, которые обращались к изучению истории духовной жизни России, ее общественно-политической мысли, творчества избранных авторов, прежде всего, К.Н. Леонтьева и Вл. Соловьева. Однако тема рассматривалась преимущественно в контексте изучения проблемы «Россия – Запад».

интересует опыт теоретического осмысления концепта «византизм» и феномена Византийской цивилизации в рамках становления идеологической доктрины русского консерватизма.

¹ Стоявший у истоков науки о всеобщей истории в России Т.Н. Грановский подчеркивал, что разработка истории Византии составляет, по сути, национальный долг российской науки (см.: Грановский Т.Н. Собр. соч. 4-е изд. М., 1900. С. 378–379). См. также: Очерки русской культуры XIX века. Т. 2. Власть и культура. М., 2000. С. 19–20.

² Лукоянов И.В. Российские консерваторы (конец XIX – начало XX вв.). СПб., 2003. С. 7.

³ Наиболее четко мысль о том, что российский консерватизм вошел в XX век, не представляя собой идейного направления как такового, сформулировал Н.А. Бердяев (см.: Бердяев Н.А. Судьба русского консерватизма // Киносценарии. М., 1989. № 5. С. 164). Авторы книги «Русский консерватизм...», аргументировано доказывая, что тезис Н.А. Бердяева «не соответствует реальному положению дел», тем не менее констатируют: «...в начале XX века консерватизм и по своему идейному багажу, и по литературно-научным силам, и по влиянию на общество значительно уступал двум другим общественно-политическим течениям – либеральному и леворадикальному» (Гросул В.Я. Заключение // Русский консерватизм... С. 421–422). Г.П. Федотов считал, что в начале XX в. «созревала жатва духа, возросшая из семян, брошенных в землю религиозными мыслителями XIX века», что «в лице Струве и его школы... впервые после смерти Каткова возрождалась в России честная и талантливая консервативная мысль» (Федотов Г.П. Революция идет // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Т. 1. СПб., 1991. С. 170).

В соответствии с исследовательским интересом можно сгруппировать литературу по проблемному принципу в *четыре* основные группы.

Первая группа исследований включает труды по истории общественно-политических движений. Среди работ советского периода значимы исследования Е.А. Дудзинской, Н.И. Цимбаева, В.А. Китаева, В.А. Кувакина, В.П. Дурновцева и др.¹ Российский читатель получил возможность изучать наследие либеральных² и консервативных мыслителей по современным публикациям. Среди работ о консерватизме особо отметим труды И.В. Лукоянова, С.Н. Пушкина³, коллективную монографию, написанную такими известными и авторитетными специалистами как В.Я. Гросул, Б.С. Итенберг, В.А. Твардовская, К.Ф. Шацилло, Р.Г. Эймонтова⁴. «Мы категорически против того, чтобы заведомо выносить русскому консерватизму... какие-либо приговоры...» – формулирует кредо авторского коллектива указанной монографии В.Я. Гросул. Глубокий анализ, «спокойный рассказ, основанный прежде всего на исторической конкретике», позволил авторам «Русского консерватизма...» решить тему монографически. Впервые, в отличие от как массовых, так и от специальных изданий предыдущих десятилетий, в понятие консерватизма не вкладывалось никакого негативного смысла. Определяя консерватизм как «идейное и политическое течение охранительного характера, направленное на принципиальное сохранение существующих социальных отношений и государственного устройства», и показывая, что он никогда не был единым, внутренне непротиворечивым, авторы вскрыли реальное место его в жизни страны, в формировании не только тех черт, которые тормозили Россию, тянули ее в прошлое, но и тех, которые создавали идейную основу российской государственности, придавали ей прочность

¹ См.: Дудзинская Е.А. Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983; Цимбаев Н.И. Славянофильство: Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986; Китаев В.А. 1) Славянофилы в первые пореформенные годы // Вопросы истории. 1977. № 6; 2) От фронды к охранительству (из истории русской либеральной мысли 50–60-х годов XIX века). М., 1972; 3) Славянофильство и либерализм // Вопросы истории. 1987. № 1; Дурновцев В.П. Проблема «Россия – Запад» в русской историографии (XVIII – 60-е гг. XIX в.). Автореф. дис. докт. ист. наук. М., 1987 и др. Советский период оставил не решенным спор сторонников монистического (С.С. Дмитриев, Е.А. Дудзинская, Н.И. Цимбаев и др.) и дуалистического (В.А. Китаев, З.В. Смирнова и др.) подходов к истолкованию природы славянофильского учения.

² См.: Российские либералы. М., 2001; Ерыгин А.Н. Традиционная и модернизирующаяся Россия в философии истории русского либерализма (К.Д. Кавелин, С.М. Соловьев, Б.Н. Чичерин): Ч. 1. Философия истории русского либерализма второй половины XIX века (тема России). Ростов н/Д., 2004; Осипов И.Д. Философия русского либерализма (XIX – начало XX в.). СПб., 1996 и др.

³ См.: Пушкин С.Н. Историософия русского консерватизма XIX века. Н. Новгород, 1998; Лукоянов И.В. Российские консерваторы (конец XIX – начало XX вв.). СПб., 2003 и др.

⁴ См.: Гросул В.Я., Итенберг Б.С., Твардовская В.А., Шацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000.

и стабильность. Учитывая сделанное в области изучения консерватизма за рубежом в XX веке и в постсоветской России, авторы приходят к принципиальному выводу о том, что российский консерватизм в XIX в. был одним из главнейших общественных течений, поскольку «консервативная идеология... была в России господствующей не только в правящих верхах, но и в обществе»¹.

Вторая группа включает в себя труды по русской духовной культуре и русской историософской мысли (в т.ч. религиозной) XIX века². Особо значимыми в дореволюционной и эмигрантской историографии в концептуальном плане являются труды Н.А. Бердяева, В.В. Зеньковского, Н.О. Лосского, П.Н. Милюкова, Г.П. Федотова, Г.В. Флоровского, С.Л. Франка и др.³, в которых была осуществлена реконструкция общих теоретических схем историософии. Эти работы представляют собой блестящие образцы изучения русской духовной культуры XIX века, заложившие традиции ее оценки на долгие десятилетия. В советской историографии консервативная историко-политическая и историософская мысль исследовалась фрагментарно, не получила достаточного освещения⁴. Начиная с рубежа 80–90-х гг. XX в. возрос интерес исследователей к изучению русской религиозной историософии, к анализу ее поиска национальной идентичности России. Выделяются работы П.П. Гайденко, А.Ф. Замалеева, О.И. Ивониной, И.Н. Ионова, К.В. Фараджева, А.А. Фролова, В.М. Хачатурян, Е.Н. Цимбаевой и др.⁵

Особо следует выделить труды представителей активно развивающегося направления философии культуры, в которых рассматривается вклад П.Я. Чаадаева, Н.Я. Данилевского, Вл.С. Соловьева, К.Н. Леонтьева и др. в раз-

¹ Там же. С. 14, 13.

² Глубокий анализ историографии русской исторической мысли XIX в. дан: Иволина О.И. Проблема направленности исторического процесса в русской христианской исторической мысли XIX – первой половины XX века. Автореф. докт. ист. наук. Томск, 2001. С. 4–8. См. также: Гросул В.Я. Предисловие // Русский консерватизм... С. 8–10.

³ См.: Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. М., 1990; Зеньковский В.В. История русской философии. Л., 1991. Т. 1–2; Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991; Милюков П.Н. 1) Славянофильство // Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1900. Т. 30; 2) Главные течения русской исторической мысли. СПб., 1913; Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Киев, 1991 и др.

⁴ См.: Рябова Л.К. О некоторых тенденциях развития современной историографии консерватизма // Историография и источниковедение отечественной истории. СПб., 2001. С. 180.

⁵ См.: Замалеев А.Ф. Лекции по истории русской философии. М., 1998; Иволина О.И. Время свободы. Новосибирск, 2000; Гайденко П.П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М., 2001; Ионов И.Н., Хачатурян В.М. Теории цивилизаций от античности до конца XIX века. СПб., 2002; Фараджев К.В. Русская религиозная философия. М., 2002; Фролов А.А. Историософия славянофильства; А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. Аксаков // Философия истории. № 9. М., 2002; Цимбаева Е.Н. Русский католицизм. Забытое прошлое российского либерализма. М., 1999 и др.

работку культурно-типологического подхода к истории цивилизаций¹. В.А. Бачинин впервые ввел понятие «византизм» в энциклопедическую лексику².

Третью группу составляют работы, посвященные осмыслению и восприятию византийской традиции в русской общественной мысли и культуре XIX века. Среди них можно выделить две подгруппы:

1) исследования, в которых реконструируется общий ход постановки и изучения в России проблемы византийско-русского диалога культур. Среди них отметим исследования А.А. Зориной, в которых выявлены социальные, политико-идеологические условия и гносеологические основы деятельности ученых-византинистов³. Г.В. Скотникова, реализуя культурологический подход, показала движение научного познания Византии и ее культурного наследия в России от философских интуиций первой половины XIX в. (А.С. Пушкин, П.Я. Чаадаев и др.) к современным опытам концептуального обобщения (труды М.Я. Сюзюмова, А.П. Каждана, К.В. Хвостовой и др.)⁴;

2) работы, посвященные осмыслению феномена «византизма» в российском византинистике конца XIX – XX вв. Постановка вопроса о сущности византизма в русской исторической науке принадлежит М.А. Поляковской, обратившей внимание на интерпретацию данного феномена российскими византинистами Ф.И. Успенским, И.И. Соколовым, П.В. Безобразовым, А.П. Рудаковым⁵. Э.Н. Хрущева осуществила историографический анализ произведений русских византистов конца XIX – XX вв. (В.Г. Васильевский, Ю.А. Кулаковский, Ф.И. Успенский, Л.А. Тихомиров, М.В. Левченко, М.Я. Сюзюмов, А.П. Каждан, З.В. Удальцова и др.) и выявила их вклад в оформление отечественной концепции византийской государственности⁶.

¹ См.: Бачинин В.А. Культурология. Энциклопедический словарь. СПб., 2005; Егоров В.К., Философия культуры: контуры и проблемы. М., 2002; Кондаков И.В. Введение в историю русской культуры. М., 1997; Михайлова С.М., Коршунова О.Н. Культурология. Казань, 1998; Сыченкова Л.А. Культура Западной Европы в российском гуманитарном знании (вторая половина XIX – 30-е гг. XX в). Казань, 2000 и др.

² См.: Бачинин В.А. Указ. соч. С. 52.

³ См.: Зорина А.А. 1) Миф о византизме в русской религиозной философии второй половины XIX века // Этнос – Культура – Человек. Ижевск, 2003; 2) Византийское наследие в искусстве средневековой Руси. Отечественная историография второй половины XIX – начала XX веков. Казань, 2005 и др.

⁴ См.: Скотникова Г.В. Византийская традиция в русском самосознании. Опыт историко-культурологического исследования. СПб, 2002.

⁵ См.: Поляковская М.А. Интерпретация понятия «византизм» в русской научной литературе конца XIX – начала XX в. // Поляковская М.А. Византия, византийцы, византисты. Екатеринбург, 2003. С. 289–294 [доклад на IX научных сюзюмовских чтениях (1997 г.)].

⁶ См.: Хрущева Э.Н. Концепция византийского государства в русской византистике последней четверти XIX–XX вв. Автореф. дисс. кан. ист. наук. Екатеринбург, 2003.

Обращение к наследию российских либералов и консерваторов раздвинуло горизонты научного поиска. Прежде всего, это выразилось в активном интересе к жизни, деятельности и научному творчеству видных русских либеральных и консервативных мыслителей. Труды о жизни, творчестве, судьбе книг и наследия П.Я. Чаадаева, А.С. Хомякова, Н.Я. Данилевского, Вл.С. Соловьева, К.Н. Леонтьева, Л.А. Тихомирова и др. составляют *четвертую* группу литературы данного исследования. Эти исследования¹ помогают понять социокультурные, политические условия, интеллектуальные источники, определявшие мировоззренческие позиции рассмотренных в них мыслителей. Особый интерес вызвали книги серии «Русский путь», представляющие подборки наиболее значимых исследований и рефлексий отечественных авторов о П.Я. Чаадаеве, К.Н. Леонтьеве, Вл.С. Соловьеве и др.² Среди произведений историко-биографического жанра, предметно обращающихся к анализу разработки концепта «византизма» К.Н. Леонтьевым, следует выделить статью Н.А. Рабкиной³, разделы в работах А.Ф. Си-

¹ См.: Андронов Ю.В., Мячин А.Г., Ширинянц А.А. Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: К.Н. Леонтьев. М., 2000; Бажов С.И. Философия истории Н.Я. Данилевского. М., 1997; Балуев Б.П. Споры о судьбах России: Н.Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». М., 1999; Гайденок П.П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М., 2001; Корольков А.А. Пророчества Константина Леонтьева. СПб., 1991; Косик В.И. Константин Леонтьев: размышления на славянскую тему. М., 1997; Пивоваров Ю.С. 1) Николай Данилевский: в русской культуре и в мировой науке // Мир России. Т. I. № 1. 1992; 2) Очерки истории русской общественно-политической мысли XIX – первой трети XX столетия. М., 1997; Птицын А.Н. Концепция «славянской цивилизации» Н.Я. Данилевского. Ставрополь, 2003; Рабкина Н.А. Исторические взгляды К.Н. Леонтьева // Вопросы истории. 1982. № 6; Смирнов И.Н. Константин Леонтьев: жизнь и творчество // Леонтьев К.Н. Избранное. М., 1993; Янов А.Л. 1) Славянофилы и Константин Леонтьев: Русская консервативная мысль XIX в. и ее интерпретаторы // Вопросы философии. 1969. № 8; 2) Трагедия великого мыслителя // Вопросы философии. 1992. № 1 и др.

О научной значимости темы говорит то, что ее проблемы стали предметом ряда диссертационных исследований. См.: Дубина В.С. Русский консерватизм и Н.Я. Данилевский. Автореф. дис. канд. ист. наук. Самара, 2000; Исхакова Н.Е. Формирование мировоззренческих позиций К.П. Победоносцева. Автореф. дис. канд. ист. наук. Казань, 2000; Леонов М.М. В.П. Мещерский: русский консерватизм и правительственная политика в конце XIX – начале XX вв. Автореферат дис. канд. ист. наук. Самара, 1999; Немцев И.А. Славянофильство в истории российского консерватизма XVIII – начала XX вв. Автореф. дис. канд. ист. наук. Пермь, 1999; Тимохова Е.А. Лев Тихомиров и русский консерватизм рубежа XIX – XX веков: Автореф. дис. канд. ист. наук. Самара, 2001; Шакирова О.С. Теория и практика реформирования России в учении славянофилов и общественная мысль 2-й половины XIX – начала XX века. Автореф. дис. канд. ист. наук. Ижевск, 1996 и др.

² См.: П.Я. Чаадаев: pro et contra. СПб., 1998; Вл.С. Соловьев: pro et contra. СПб., 2000; К.Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 1–2. СПб., 1995 и др.

³ См.: Рабкина Н.А. «Византизм» Константина Леонтьева // История СССР. 1991. № 6.

вака, Е.С. Гревцовой, Ю.В. Андропова, А.Г. Мячина, А.А. Ширинянца и др.¹ Оценка учения о «византинизме» Вл.С. Соловьева содержится в статье Г.И. Щетининой и книге А.Ф. Лосева «Владимир Соловьев и его время»².

В целом, можно заключить, что в современной отечественной науке активизировалось изучение историософии русских мыслителей XIX столетия, наметился прорыв в понимании необходимости предметного, не отягощенного идеологической предвзятостью и политической ангажированностью исследования российского консерватизма. Однако до сих пор практически не предпринималась попытка системного, комплексного исследования, которое бы позволило выявить и представить место и значение концепта «византинизма» в историософии и идеологии русского консерватизма XIX в. Восполнение указанного пробела предстает как актуальная научная проблема, разрешению которой и посвящается данное диссертационное исследование.

Цель и задачи исследования. Исходя из авторского замысла, целью настоящей работы является определение роли и места проблемы византинизма в формировании идеологии русского консерватизма XIX в.

Путь к достижению цели автор видит в решении следующих **задач**:

– изучить концептуальные основы феномена «византинизм» в русской историософии и показать направления его теоретической актуализации в современной историко-политической мысли;

– выявить основные этапы разработки концепта «византинизма» в историософской мысли России XIX в., влияние на его осмысление политических и социокультурных факторов;

– определить вклад в формирование дискурса «византинизм» П.Я. Чаадаева, ранних славянофилов (А.С. Хомяков);

– исследовать процесс «возрождения» византинизма как центрального концепта в консервативной историософии пореформенной России (Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев);

– проанализировать полемику вокруг концепта «византинизм» в эпоху контрреформ (Вл. Соловьев);

– изучить место проблемы «византинизм» в концепции монархической государственности Л.А. Тихомирова.

¹ См.: Андронов Ю.В., Мячин А.Г., Ширинянц А.А. Жизнь и идеи К.Н. Леонтьева // Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: К.Н. Леонтьев. М., 2000. С. 26–29; Гревцова Е.С. Философия культуры А.И. Герцена и К.Н. Леонтьева. М., 2002. С. 86–94; Сивак А.Ф. Константин Леонтьев. Л., 1991. С. 26–32 и др.

² См.: Щетинина Г.И. Владимир Соловьев: исторические взгляды // История и историки. М., 1995. С. 242–244; Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М., 2000. С. 293–296.

В качестве **теоретической и методологической основы исследования** используются следующие общенаучные принципы и методы познания: *системный подход*, позволивший рассмотреть проблему византизма в ее целостности; *историзм*, предполагающий изучать всякое явление в его развитии, конкретной обусловленности и индивидуальности; *логико-теоретический* – в изучении категориального аппарата, внутренней структуры изучаемых исторических концепций. Сходства и различия в концептуальных построениях выявлялись при опоре на компаративный анализ.

Проблематика, связанная с изучением историософских концепций российских мыслителей, потребовала использования комплексного подхода (междисциплинарного синтеза), обращения к таким приемам исследований философских, философско-религиозных, политических текстов, как персоналистский, историко-политической атрибуции, контент-анализ. Это позволило в исследуемых текстах выявить внутреннюю логику развития авторских идей, их эволюцию, показать их место и роль в формировании концепции «византизма» и включения ее в идейно-политические программы русского консерватизма.

Автор опирался:

– на исследования отечественных (А.С. Ахиезера, М.А. Барга, Б.С. Ерасова, И.Н. Ионова, И.Н. Хачатурян и др.¹), и зарубежных (А.Дж. Тойнби, О. Шпенглера, С. Хантингтона и др.²) авторов, разработывавших цивилизационный подход в истории;

– на работы, посвященные раскрытию специфики цивилизационного развития России, месту России в системе «Запад – Восток», определению ее роли в мировом историческом процессе³. Применение цивилизационного подхода к осмыслению концепции византизма позволило рассмотреть этот феномен в свете глобальной проблемы интеллектуального, политического диалога России и Запада;

¹ См.: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. I–III. М., 1991; Бург М.А. Цивилизационный подход к истории: дань конъюнктуре или требование науки? // Цивилизации. Вып. 2. М., 1993; Ионов И.Н., Хачатурян В.М. Теории цивилизаций от античности до конца XIX века. СПб., 2002 и др.

² См.: Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. М., 1995; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. 1994. № 1; Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1–2. М., 1993 и др.

³ См.: Блехер Л.И., Любарский Г.Ю. Главный русский спор: от западников и славянофилов до глобализма и Нового Средневековья. М., 2003; Кантор В.К. «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации. Историософские очерки. М., 1997; Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М., 2004; Панарин А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 1998; Пыльцын О.И. Россия и Евразия. Эволюция цивилизаций. Новосибирск, 2003; Уткин А.И. Запад и Россия: история цивилизаций. М., 2000; Шаповалов В.Ф. Истоки и смысл российской цивилизации. М., 2003 и др.

– на труды, посвященные теоретико-методологическим вопросам определения сущности, границ, классификации, типологий общественно-политических направлений либерализма, консерватизма, «размещения» и роли в них таких течений, как западничество, славянофильство, мыслителей, выразивших их идеи и учения¹.

Источниковая база исследования включает две основные группы.

Первая группа состоит из опубликованных трудов рассматриваемых мыслителей (сочинения П.Я. Чаадаева, А.С. Хомякова, Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, Вл.С. Соловьева, Л.А. Тихомирова и др.)², а также тех современников, в диалоге с которыми формировался концепт византизма или в трудах которых он получил первые оценки (Н.М. Карамзин, А.С. Пушкин, И.В. Киреевский, А.И. Герцен, Н.Н. Страхов, Н.И. Кареев, П.Н. Милюков и др.)³. Ценность их состоит в том, что они представляют первый опыт историографического анализа проблемы.

¹ См.: Либерализм в России. М., 1996; Пустарнаков В.Ф. Либеральный консерватизм и либерализм в России XIX – XX в.: различия и сходства // Либеральный консерватизм: история и современность. М., 2001; Рахшмир П.Ю. Три консервативные традиции: общее и особенное // Исследования по консерватизму. Вып. 2. Пермь, 1995; Репников А.В. Русский консерватизм: вчера, сегодня, завтра // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Вып. 1. Воронеж, 2001; Холодный В.И. А.С. Хомяков и современность: зарождение и перспективы соборной феноменологии. М., 2004; Шелохаев В.В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Вопросы истории. 1998. № 4 и др.

При рассмотрении такой важной детерминанты русской консервативной политической мысли как политико-историософская концепция «Москва – Третий Рим» автор опирался на работы: Аверинцев С.С. Византизм и Русь: два типа духовности // Аверинцев С.С. Другой Рим. СПб., 2005; Сендеров В.А. Историческая русская государственность и идея «Третьего Рима» // Вопросы философии. 2006. № 2 и др.

² См.: Чаадаев П.Я. Философические письма; Апология сумасшедшего; Ответ на статью А.С. Хомякова «О сельских условиях» // Полн. собр. соч. и избранных писем. Т. 1. М., 1991; Хомяков А. Записки о всемирной истории; Семирамида; О старом и новом; Мнение иностранцев о России; Мнение Русских об иностранцах // Хомяков А.С. Сочинения. Изд. 4. Т. 1–3. М., 1914; Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 1991; Леонтьев К.Н. Византизм и славянство; Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения; Записки отшельника // Леонтьев К.Н. Собрание сочинений. Т. 5, 6. М., 1912; Соловьев Вл.С. 1) Три речи в память Достоевского; Ответ Н.Я. Данилевскому; О духовной власти в России; Великий спор и христианская политика; Национальный вопрос в России; Византизм и Россия и др. // Соловьев Вл.С. Собрание сочинений. В 8 т. СПб. [б.г.], Т. 3, 4, 5; 2) Русская идея; Значение государства // Соловьев Вл.С. Россия и вселенская церковь. Мн., 1999; Тихомиров Л.А. 1) Апология Веры и Монархии. М., 1999; 2) Критика демократии. М., 1997; 3) Монархическая государственность. М., 1998; 4) Христианство и политика. М.; Калуга, 2002 и др.

³ См.: Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении. М., 1991; Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Киреевский И.В. Избранные статьи. М., 1984; Герцен А.И. О развитии революционных идей в России // Собр. соч. В 30 т. М., 1955. Т. 7; Страхов Н.Н. 1) Взгляды Г. Рюккерта и Данилевского // Русский вестник. 1894. № 10; 2) Страхов Н.Н. Жизнь и труды Н.Я. Данилевского // Данилевский Н.Я. Россия и Евро-

Вторая группа – источники личного происхождения: воспоминания современников, мемуары, эпистолярное наследие¹. Они дополняют наши представления о биографиях, творческом пути, научных связях, интеллектуальных источниках, оказавших влияние на формирование мировоззрения данных мыслителей, позволяют более детально разобраться в мотивах обращения русских мыслителей к избранному кругу философских, историко-политических проблем. Источники личного происхождения имеют субъективный характер, требуют критического анализа, но их привлечение необходимо, чтобы раскрыть масштаб личности российских историсоффов, выявить социокультурный и политический контекст, в котором осуществлялась их деятельность.

Научная новизна работы содержится в самой постановке темы, в предложенном исследовательском подходе, методах его реализации. Автором предпринята одна из первых в отечественной науке попыток определения роли и места проблемы византизма в оформлении русской консервативной идеологии XIX века.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

– выявлены концептуальные, идейно-политические основы выдвижения и оформления образа/понятия (конструкта) «византизм» русскими консервативными мыслителями XIX в.;

– доказано, что концепт византизма сформировался на пересечении историсофской мысли и поиска программ политического переустройства России в условиях кризисного развития страны;

– впервые применен системный подход к рассмотрению комплексного концепта «византизм» сквозь призму творческого наследия П.Я. Чаадаева, А.С. Хомякова, Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, Вл.С. Соловьева, Л.А. Тихомирова;

– выявлена роль концепта «византизм» в развитии и осмыслении русской национальной идеи.

па. М., 2003; Бестужев-Рюмин К.Н. Теория культурно-исторических типов // Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 2003; Кареев Н.И. Теория культурно-исторических типов. О «России и Европе» Н.Я. Данилевского // Русская мысль. 1889. Кн. IX; Милюков П.Н. Разложение славянофильства: (Данилевский, Леонтьев, Вл. Соловьев) // Милюков П.Н. Очерки истории исторической науки // Вопросы философии и психологии. 1893. Кн. 3/18. Май и др.

¹ См.: Чаадаев П.Я. Письма // Полное собрание сочинений и избранные письма. М., 1991. Т. 2; Леонтьев К. Избранные письма 1854–1891. СПб., 1993. Леонтьев К.Н. Моя литературная судьба: Автобиография // Андронов Ю.В., Мячин А.Г., Ширинянц А.А. Жизнь и идеи К.Н. Леонтьева // Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: К.Н. Леонтьев. М., 2000; Леонтьев К.Н. О национализме политическом и культурном (Письма к Вл.С. Соловьеву) // К. Леонтьев, наш современник. СПб., 1993; Соловьев Вл. Письма: В 3 т. СПб., 1908–1911; Соловьев Вл.С. Из писем; Свидетельства и воспоминания // Вл.С. Соловьев: pro et contra. СПб., 2000 и др.

Новые научные результаты, полученные автором в ходе исследования, позволили сформулировать следующие **положения, которые выносятся на защиту**:

1. Проблема византизма во второй половине XIX века представлялась контрапунктом российской культуры истории и политики, являясь центром идейного противостояния и претендуя на роль сущностного компонента в оформлении национальной идеи.

2. Концепт «византизм» был положен в основу идейно-политического комплекса, мобилизованного для аргументации политических программ, выдвигаемых консервативной мыслью России. В этом комплексе особое место заняло обращение к наследию той цивилизации, в кругу которой произошло становление России, ее государственности, духовного облика. Задолго до «евразийцев» теоретики российского консерватизма «переводили стрелки» с акцентированного «европоцентризма» на византийские основы российской цивилизации.

3. Своеобразием идейно-политической жизни России XIX в. явилось то, что первыми, обратившими взоры к проблемам цивилизационной специфики России, выступили историсофствующие мыслители. Обращение к Византии выступило способом изучения и определения роли и места России в мировой истории для П.Я. Чаадаева, А.С. Хомякова, К.Н. Леонтьева, Вл.С. Соловьева, Л.А. Тихомирова. Наличие тематического единства и общего методологического подхода позволяет представить работу этих исследователей в виде целого направления в системе российского политического знания и соотносить их с иными (западники, либералы, революционные демократы и пр.) идейно-политическими течениями в России.

4. Проведение системного исследования и сопоставление взглядов Чаадаева, Хомякова, Соловьева, Данилевского, Леонтьева, Тихомирова на феномен «византизм», позволяют показать, что эта умозрительная конструкция приобрела облик словесной формулы только в результате интеграции всех вариантов «описания» этого понятия. Сравнение вариантов концепта «византизм» позволило обнаружить совпадение идей, позиций и преемственность в его разработке. В этих концепциях конструировалась русская национальная идея, опирающаяся на идеи православия, монархизма, соборности, сохранения традиционных ценностей. Национальная идея впитала в себя устойчивые представления об «исключительности» России, веру в ее мессианское предназначение.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертации нашли отражение в научных публикациях и докладах на итоговых научных конференциях ученых КГУ (2000, 2001), КГТУ (2003, 2004, 2005), на респуб-

ликанской научной конференции «Гуманитарное знание в системах политики и культуры» (Казань, 2000); на *Всероссийских* научных конференциях: «Античность в современном измерении» (Казань, 2001), «Историки в поиске новых смыслов» (Казань, 2003); на *межрегиональных* научных конференциях: «Россия: выбор пути» (Казань, 2000), «Гражданское общество, государственная власть и местное самоуправление» (Казань, 2001), «Государственное и муниципальное управление: история, теория, практика» (Казань, 2002), «Социальное управление и регулирование в трансформирующемся обществе» (Казань, 2003), «Социальное управление: реалии и проблемы российского общества» (Казань, 2004). Содержание диссертации отражено в 11 публикациях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обосновывается выбор темы, ее актуальность, научная новизна и практическая значимость, формулируются цель и задачи диссертации, анализируется историография и источники, излагаются положения, выносимые на защиту, раскрываются методология и научная новизна исследования.

Первая глава «КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА ВИЗАНТИНИЗМА» состоит из двух параграфов.

В § 1 «*Понятие “византинизм” в русской историософии и его теоретическая актуализация в современной историко-политической мысли*» рассматривается смысл и значение концепта «византинизм» в русской историософской мысли и причины его актуализации в конце XX – начале XIX вв. Показывается, что интерпретация концепта «византинизм» в российском историко-философском знании связана с параллельным существованием двух способов осмысления этого историко-культурного феномена: *пониманием* византинизма, как выражения сущности Византийской цивилизации, и *отношением* к «византинизму». Развитие *понимания* было обусловлено становлением византиноведения как особой области исторических исследований. В рамках этого знания происходило накопление новых сведений, фактов и т.д., которые постоянно корректировали существовавшие представления о феномене византийской цивилизации. Этот образ постоянно дополнялся новыми качествами, становился все более многозначным и целостным.

Понимание «византизма», сложившееся в среде специалистов византологов, коррелировало отношение к этому феномену в среде русских историософов. Но в эволюции отношения к византизму представителей этого направления историко-теоретической мысли нельзя обнаружить упрощенного поступательного развития оценочных характеристик от «худшего» к «лучшему». Такой прямой линии в изменении отношения к «византизму» в трудах российских интерпретаторов этого концепта не просматривается. Эволюция отношения к византизму была предопределена чередованием в российской политической истории «консервативных» и «либеральных» настроений в обществе и государственной власти.

В свою очередь, развитие консервативной идеологии в качестве политической доктрины в России происходило за счет наполнения представления о византизме, как олицетворении прочности и незыблемости тысячелетних имперских традиций. В рамках такого толкования смысла и задач консервативной доктрины государства предпочтительной становилась такая теоретическая модель византизма, которая воплощала бы в себе *образец, пример «лучшей из эпох».*

Обращение отечественных исследователей к теме «византизм» в последние 10–15 лет вновь становится одним из способов конструирования «национальной идеи» для современной России¹. Однако попытки такого теоретизирования весьма проблематичны, тем более в сравнении с русскими историософами XIX вв. Это было время активного поиска национальной идентичности, становления национального самосознания русского народа. Объединяющие его идеи распространялись и внедрялись через книжную культуру. Сегодня роль книжной культуры в условиях усиления электронных коммуникаций значительно снижается. В сущностном плане «призрак» византизма сегодня используется как нарицательный образ для критики агонизирующих институтов имперской власти, для разоблачения непомерной роскоши властвующей элиты и т.п. На наш взгляд, нужно дать ответ на вопрос о том, почему современные правительственные идеологи продолжают вызывать «дух византизма» в условиях провозглашенной демократии, республики? Очевидно, это происходит потому, что оборотные стороны византизма, имперского мышления властей оказались серьезно востребованными в условиях современной политической конъюнктуры.

В § 2 «Формирование проблемного поля византизма в отечественной историософии» рассматривается вклад в конструирование отечест-

¹ Ср.: Шамшури В.И. Византия и Россия: религиозные и политико-правовые взаимодействия // Русская философия и православие в контексте мировой культуры: Сб. статей. Краснодар, 2005. С. 347.

венного варианта «византинизм» П.Я. Чаадаева и А.С. Хомякова. Они стали авторами, открывшими для обсуждения проблему влияния Византии на Россию. Их наследие в свернутом виде содержит тематику позднейших диалогов западников и славянофилов, в том числе и византийскую их акцентуацию.

П.Я. Чаадаев заложил традицию истолкования образа «византизма» как особого социополитического и культурного (духовно-религиозного) начала, оказавшего негативное влияние на русское христианское общество. Именно Византия, по его мнению, оказалась виновницей искажения идеи христианства, она «спровоцировала отторжение России от цивилизованного братства народов католического Запада». П.Я. Чаадаев, создавая свою модель исторической судьбы России, утверждал, что ее народ никогда не шел «вместе с другими народами», не принадлежал «ни к одному из известных семейств человеческого рода». И в то время, когда «складывалась хранина современной цивилизации» Запада, «мы, повинувшись нашей злой судьбе..., обратились к жалкой, глубоко презираемой этими народами Византии за тем нравственным уставом, который должен был лечь в основу нашего воспитания». Рефлексии П.Я. Чаадаева по поводу вклада России в мировую цивилизацию («мы ничего не дали миру, ничему не научили его; не внесли ни одной идеи в массу идей человеческих, ничем не содействовали прогрессу человеческого разума...»), граничащие с национальным самобичеванием, оказали большое влияние на последующее развитие критики России и формирование *комплекса национальной неполноценности*. Хотя в более поздних произведениях П.Я. Чаадаева можно обнаружить указания на благотворное влияние византийского наследия, но общественного звучания перемена взглядов мыслителя практически не имела и осталась фактом философских и богословских споров.

Один из основателей славянофильства А.С. Хомяков принадлежал уже к поколению 40-х годов, которое интенсивно осмысливало место России во всемирно-историческом процессе. Для него, в отличие от П.Я. Чаадаева, вклад византийского наследия как истока отечественной самобытности представлялся неоспоримым. Он полагал, что для языческого народа, каким была тогда Русь, рецепция византийского православия оказалась фактором прогресса, духовного и общественного роста. И самым важным аргументом для Хомякова было то, что Византийское православие оказало консолидирующее воздействие на Русь. В его работах просматривается понимание им особой судьбы и особого пути России. Он считал, что Россия, восприняв византийский идеал, превзошла его и создала культуру, которая отличается от западной по своему содержанию, что она в религиозном и

нравственном отношении стоит выше западной. Ученый усматривал всемирную роль России в осуществлении религиозной миссии, которая после падения Константинополя перешла, по его мнению, к России. Она состоит в том, чтобы «донести принципы христианской жизни до людей всей земли» на основе соборности. Именно соборность должна была помочь преодолеть индивидуализм, приведший к гибели Византию. С принципом соборности в дальнейшем будет связан главный вопрос русской философии истории – именно на него будут выводить каждый раз все поиски смысла существования и места России во всемирной истории. А.С. Хомяков первый изложил историософию славянофилов, стержень которой в интерпретации византизма (соборности) как истока особого характера русского исторического и общественного развития. Интерес к Византии у Хомякова служил делу поиска первичного начала, нравственного идеала, на основе которого Россия сможет обеспечить себе особый путь общественного развития и спасти остальной мир. Учение Хомякова о соборности, истинным носителем которого является православная церковь, в последующем было воспринято евразийством.

Вторая глава «РАЗРАБОТКА ПРОБЛЕМЫ ВИЗАНТИНИЗМА В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (50–70-е гг. XIX в.)» посвящена исследованию научных концепций Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева. Она состоит из двух параграфов.

В § 1 *«Культурно-историческая концепция Н.Я. Данилевского»* рассматривается эволюция консервативной историософии в пореформенный период на основе творчества Н.Я. Данилевского, представившего оригинальный подход к осмыслению судьбы России сквозь призму теории культурно-исторических типов. Идею славянства Данилевский считал высшей идеей, а славянский культурно-исторический тип должен был и мог развиваться в четырехосновный, в котором станет возможным гармоническое развитие общества.

Существенным в построениях Н.Я. Данилевского было положение о никогда не пересекающихся путях развития, локальности и замкнутости цивилизаций. Данилевский противопоставлял славянское единство «романо-германскому миру». Характер борьбы между этими мирами, по его мнению, определял способы решения «восточного вопроса». Он считал, что уже завершился многовековой этап «напора германо-романского мира» на «православно-греческий мир» и пора создавать всеславянскую федерацию с центром в Константинополе и с Россией во главе. Россия как наследница византийского православия должна создать там духовный центр славянского мира. Он сформулировал идею панславизма, по-новому обосновав все-

мирно-историческую миссию России: она должна стать главою особой, самостоятельной политической системы государств и служить противовесом Европе. России, таким образом, Данилевским была отведена роль гегемона в противостоянии Востока Западу. Эти идеи Данилевского оказали большое влияние на формирование «русской национальной идеи». Идеи ученого, даже не ставшие историографическим фактом во второй половине XIX века, оказались особо значимыми и востребованными в современной российской историко-политической мысли.

§ 2 «*Русский византизм*» К.Н. Леонтьева» посвящен одному из признанных мыслителей русского консерватизма, который обновил концепцию национального идеала государственной власти. Нарастающее сопротивление консервативных и охранительных сил реформам 60-х годов определяло новое отношение к византизму, потребовало более тщательной разработки этнокультурного и религиозного компонента концепта. К.Н. Леонтьев считал византизм системообразующим началом российской цивилизации. Само возрождение России ученый усматривал на путях возрождения византизма как источника православия и как особого типа государственности и культуры.

Для современной истории политической мысли особый интерес представляет осуществленная К.Н. Леонтьевым теоретическая попытка создания утопической концепции идеального русского государства со столицей в Царьграде. Построенная им умозрительная модель русского культурного мира, объединяющего все славянство на основе православия, рассматривалась как предпочтительный вариант выхода из реального кризиса самодержавной власти. В его *понимании* следование принципам византизма при построении такого типа государства было залогом сохранения самобытности российской политической традиции.

Заслугой К.Н. Леонтьева можно считать то, что он одним из первых в российском гуманитарном знании попытался разработать словесную *формулу «византизм»*, в которой были определены основные составляющие этого феномена как органического единства религии, государства, нравственности, философских и художественных идей. Именно культурно-этнический компонент византизма как важнейший элемент духовного развития русской нации и славянской общности в целом был разработан им более тщательно, чем его предшественниками (П.Я. Чаадаевым и А.С. Хомяковым). Слабость семейного начала у славян, по мнению К.Н. Леонтьева, предопределила отсутствие у них мировоззренческой концепции, которая бы консолидировала их в единую культурную общность. Но отсутствие в славянской ментальности стремления к всеобщему объединению на госу-

дарственном уровне, не означало полного отсутствия «генетически отягощенных» коллективных представлений о предпочтительной форме политического устройства общества. Эти стереотипы оказались очень устойчивыми во времени, стали константами стиля поведения, ценностных ориентиров и, в конечном итоге, определяли выбор формы и вектора политического и духовного развития. В учении К.Н. Леонтьева получил дальнейшее развитие миф «панславизма»: высшей целью славян, по его мнению, должно быть не этническое, а религиозное единство.

В современных условиях, когда западный демократический идеал все более утрачивает свою привлекательность, когда в общественном сознании россиян возникает все больше сомнений в необходимости калькирования политического опыта Западной Европы, необычайную важность приобретают идеи русских мыслителей, предлагавших возродить и укреплять самобытную этнокультурную и политическую традицию. В этом контексте идеи К.Н. Леонтьева оказались востребованы в российской историософской, политологической, культурологической, историко-антропологической мысли спустя 70 лет после почти полного их забвения не случайно. Современные политологи рассматривают концепцию этого ученого, как «кладовую идей», способную обогатить идеологическую доктрину России.

Третья глава «ЭВОЛЮЦИЯ ВИЗАНТИНИЗМА В УСЛОВИЯХ КОНТРРЕФОРМ (80–90-е гг. XIX в.)» посвящена завершающему этапу в развитии консервативных доктрин в русской историософии XIX века.

В § 1 «Вл.С. Соловьев о роли византийского наследия в судьбах России» подвергается анализу концепция византизма выдающегося русского мыслителя, определяется его вклад в развитие историософии. Отношение Соловьева к Византии, и соответственно к византийскому наследию на русской почве уже в силу того, что он испытал разочарование в мессианском предназначении России, было неоднозначным, сложным. Византизм в его понимании – это отсутствие, потеря духа, «известный традиционализм и буквализм, утверждение временных и случайных форм... наряду с вечными и существенными, местного... наряду с все-ленским». Позиция Вл.С. Соловьева объясняется, говоря его словами, неспособностью Византии преодолеть византизм, то есть *косность, противоречия своих законов и управления*.

Определяя значение критики «византизма», развернутой Вл.С. Соловьевым, автор показывает, что мыслитель исходил из главной идеи славянофильской доктрины – идеи уникальности России, ее особой судьбы, которая состоит в том, что она не принадлежит ни к Востоку, ни к Западу. Ретроспективно осмысливая историческое прошлое Византии и России, он занял

позицию «верховного судьи», вынося приговоры в координатах его системы понимания «добра» и «зла» для народов. В истории России ученый выделил три момента, которые связаны со вспышкой византизма: эпоха Ивана Грозного и возникновение теории «Москва – Третий Рим», период «раскола» русской церкви, и, наконец, эпоха Петра I, когда началось преодоление византизма.

Вынося нравственный приговор истории России, Вл.С. Соловьев сформулировал негативные стороны «византизма»: ложное отношение к христианству, омертвление христианских догматов, противоречие между исповедуемым православием и практической ересью (власти), отрыв от народа, принижение человеческой личности. Развенчивая миф об уникальности византийского наследия, прописывая морализаторские проповеди Византийской империи, Вл. Соловьев продолжил традицию идеализации прошлого Древней Руси. Он пытался объяснить трагические ошибки, грехи Московской России внешними историческими обстоятельствами, ее особым геополитическим положением между Востоком и Западом: Русь усваивала наследие Византии своеобразно, в борьбе между двумя культурно-историческими мирами – Востоком и Западом.

В процессе осмысления феномена византизма, Вл.С. Соловьев начал критику славянофильской доктрины как «вредной идеологической концепции», которая, по его мнению, состояла из трех основных компонентов: византизма, либерализма и ура-патриотизма. В целом славянофильство он рассматривал как вредную идеологическую концепцию, следование принципам которой могло привести к изоляции, отрыву от цивилизованного мира. Будущее России Вл.С. Соловьев видел в преодолении византийского влияния, которое может начаться с переоценки «византизма» как совокупности идей, определявших политические и культурные ориентиры русского государства.

§ 2 «*Образ византизма в концепции монархической государственности Л.А. Тихомирова*» посвящен мало изученному аспекту творчества видного российского теоретика консерватизма рубежа XIX – XX веков Л.А. Тихомирова. На основании проведенного анализа теоретико-философского наследия Л.А. Тихомирова были внесены уточнения в современные представления об эволюции концепции «византизма». Взгляды Л.А. Тихомирова на прошлое Византийской империи представляют собой оригинальную концепцию, в которой был осуществлен синтез идей П.Я. Чаадаева, А.С. Хомякова, Вл.С. Соловьева, Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева. На рубеже веков, в условиях новой политической реальности, когда самодержавие в России переживало кризис, Л.А. Тихомиров разра-

батывает учение о монархических государствах, в котором он попытался переосмыслить взгляды русских историософов на проблему «византизма». Анализ творчества мыслителя позволил выявить множество пересечений, параллелей, совпадений взглядов Тихомирова с воззрениями Леонтьева, Соловьева и др., откровенных заимствований тех или иных представлений и понятий, которым, он, однако, давал оригинальную интерпретацию.

В своих размышлениях об идеальных типах государственного устройства он отдавал приоритет монархии, которая, по его мнению, обладала несомненным преимуществом по сравнению со всеми другими формами правления. В духе ницшеанства он разработал оригинальное консервативное понимание «свободы», лишая ее политического смысла, трактуя ее как состояние внутреннего мира человека, как свободу воли.

Ученый рассматривал в качестве «самого блестящего периода» византийской истории правление Константина, которому удалось совместить римскую государственность с христианством. Л.А. Тихомиров обратил внимание на необходимость различения двух типов имперской власти: римской и византийской. В случае с Римом это был «папоцезаризм», в Византии – «цезаропапизм». Он стремился доказать, что крушение Византии произошло в результате механической рецепции римского понятия «имперская власть». По его мнению, для Византии, существовавшей в ином, чем Рим, геополитическом пространстве, важно было выработать иную идеологическую доминанту.

В поисках ответа на наиболее актуальные вопросы современности Л.А. Тихомиров, как и большинство русских мыслителей, обращает свой взгляд в прошлое, в нем он ищет «рецепты» спасения России и самодержавия. Как и Хомякову, Леонтьеву, Соловьеву, такой ретроспективный анализ истории Византии и России помог ему сделать немало интересных открытий в области политической теории. Однако в отличие от Леонтьева Тихомиров был далек от идеализации Византийской истории. Он видит в ней не только тысячелетнюю монархию, блеск богатств которой и роскошь дворцовых церемоний, ослепляли многих ее поклонников. Л.А. Тихомиров показывает обратную сторону политической истории – чехарду переворотов, смен династий, политических заговоров, убийств. Рефлексии по поводу прошлого великих империй – Рима–Византии выполняют в творчестве ученого прогностическую функцию: они призваны помочь не только сохранению, но и приумножению исторических традиций. Именно данное обстоятельство отличает Тихомирова в общем контексте русской консервативной доктрины. Можно утверждать, что Тихомирову удалось придать новый облик консер-

ватизму, осуществить процесс его модернизации в конце XIX – начале XX веков.

В **заключении**, подводя итог проделанному исследованию, подчеркивается, что на протяжении XIX века отечественная историософия, политико-историческая мысль в своих консервативных версиях осмысливали феномен византизма, критикуя и идеализируя книжный образ Византии, постепенно превращая его в теоретическую модель совершенного государственного устройства. Формируемая таким образом умозрительная конструкция «византизм» укрепляла в российских мыслителях уверенность в правильности выбора Россией самодержавного, имперского пути развития. Пример Византии не только вдохновлял их, но и в подобной трактовке призван был служить гарантом стабильности государственно-политического устройства общества. В этом случае «византизм» становился важнейшим компонентом национальной идеи России, интерпретированной с позиций сил, в целом выступавших за сохранение идейно-политического «статус кво» российской государственности.

Интеллектуальным импульсом каждого очередного всплеска интереса к этой проблеме в среде русских мыслителей было кризисное или предкризисное состояние общества, утрата политических ориентиров. Выход из «очередного» хаоса русские консервативные мыслители усматривали в укреплении самодержавия на пути его «византизации». Для современной историко-политической мысли небезынтересными и даже более того, актуальными, представляются рассуждения историософов XIX века о способах преодоления кризиса политической власти.

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

1. Мягков Ю.Г. Юстиниан и «ренессанс» римской истории в VI веке н.э. / В.Д. Жигунин, Ю.Г. Мягков // Античный вестник. Сборник научных трудов. Вып. III. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1995. – С. 150–158.

2. Мягков Ю.Г. «Византизм» как контрапункт российской культуры истории / Ю.Г. Мягков // Гуманитарное знание в системах политики и культуры. Сб. научных статей и сообщений. – Казань: Изд-во «Унипресс», 2000. – С. 95–99.

3. Мягков Ю.Г. Император Юстиниан и его эпоха в русской исторической мысли XVIII – первой половине XIX вв. / Ю.Г. Мягков // Точка зрения. Сб. научно-исследовательских статей. Вып. 2. – Казань: Мастер Лайн, 2000. – С. 57–64.

4. Мягков Ю.Г. Об особенностях историософского осмысления византизма в дореволюционной России / Ю.Г. Мягков // Россия: выбор пути. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Казань: КГТУ им. А.Н. Туполева, 2000. – С. 92–93.
5. Мягков Ю.Г. Образ Юстиниана I в российской энциклопедистике начала XX в.: опыт И.М. Гревса / Ю.Г. Мягков // Античность в современном измерении. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. – Казань: Изд-во «Новое знание», 2001. – С. 116–119.
6. Мягков Ю.Г. Основные линии осмысления «византизма» в отечественной историософии второй половины XIX века / Ю.Г. Мягков // Социокультурная деятельность как объект социального и исторического познания. – Казань: «Новое знание», 2002. – С. 62–65.
7. Мягков Ю.Г. Концепция «разумной организации управления» Л.А. Тихомирова / Ю.Г. Мягков // Гражданское общество, государственная власть и местное самоуправление / Материалы Межрегиональной научно-практической конференции. – Казань: Изд-во КГТУ, 2001. – С. 233–237.
8. Мягков Ю.Г. Российская государственность в свете учения Константина Леонтьева о «русском византизме» / Ю.Г. Мягков // Государственное и муниципальное управление: история, теория и практика: Сб. научных статей и сообщений. – Казань: Изд-во Казан. гос. технолог. ун-та, 2002. – С. 195–201.
9. Мягков Ю.Г. П.Я. Чаадаев о проблеме византизма и его роли в истории России / Ю.Г. Мягков // Социальное управление и регулирование в трансформирующемся обществе: Сб. научных статей и сообщений. – Казань: КГТУ, 2003. – С. 233–239.
10. Мягков Ю.Г. «Византизм»: понятие на перекрестке науки и политики / Ю.Г. Мягков // Историки в поиске новых смыслов: Сб. научных статей и сообщений участников Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана и 60-летию со дня рождения профессора В.Д. Жигунина. – Казань: ЗАО «Новое знание», 2003. – С. 101–106.
11. Мягков Ю.Г. А.С. Хомяков: Поиск нравственного идеала как основы государственного устройства России / Ю.Г. Мягков // Социальное управление: реалии и проблемы российского общества: Сб. научных статей и сообщений. В 2 ч. – Ч. 1. – Казань: ЗАО «Новое знание», 2004. – С. 126–129.